

Ввиду преимущественно историко-экономического характера сборника авторский коллектив не ставил перед собой задачи показать те социальные изменения, которые повлекло за собой развитие империализма в стране, а также революционное движение рабочих и крестьян. В сборник включены лишь работы о социальном составе солдатских масс в период империализма, о положении крестьян Сибири и сообщение о статистике стачечного движения в Петрограде в годы первой мировой войны, помещаемые в разделе «Сообщения и обзоры».

Нам представляется, что, несмотря на неполноту, предлагаемый сборник может способствовать дальнейшему изучению весьма важного периода в истории нашей Родины, непосредственно предшествовавшего Великой Октябрьской социалистической революции.

В отдельных выпусках «Трудов», в приложениях, будут печататься сообщения из жизни ЛОИИ, имеющие не ведомственное, а историографическое значение. В настоящем выпуске помещен очерк научной деятельности проф. С. Н. Валка, в связи с его семидесятилетием.

Редакция приносит глубокую благодарность гг. А. И. Буковецкому, Е. В. Бунакову, И. А. Баклановой, Д. Г. Куцентову, Ш. М. Левину, Н. Е. Носову, А. Л. Шапиро, принявшим участие в обсуждении и рецензировании статей сборника.

СТАТЬИ.

С. И. ПОТОЛОВ

ИЗ ИСТОРИИ МОНОПОЛИЗАЦИИ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДОНБАССА В КОНЦЕ XIX В.

В нашей историко-экономической литературе вошло уже в традицию связывать монополизацию угольной промышленности Донбасса с возникновением и деятельностью в начале XX в. «Продугля».¹ Между тем внимательный анализ документов (опубликованных и архивных) позволяет утверждать, что в угольной промышленности России и ее крупнейшем центре — Донбассе истоки этого сложного и во многом противоречивого процесса, рождение ранних зачаточных форм монополистических соглашений и объединений берут свое начало еще в 80—90-е годы XIX в., а сам «Продуголь» имеет, таким образом, предысторию.

Настоящая статья и ставит своей задачей рассмотрение объективных предпосылок и самого характера монополизации угольной промышленности Донбасса в последней четверти XIX в.²

¹ См.: Г. Д. Бакулев. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна. М., 1955, стр. 169—170; П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II. М., 1956, стр. 330; П. А. Хромов. Экономическое развитие России в XIX—XX веках. М., 1950, стр. 322; А. А. Нестеренко. Очерки развития промышленности и положения пролетариата Украины в конце XIX и начале XX века. М., 1954, стр. 128; Очерки развития народного хозяйства Украинской ССР. М., 1954, стр. 82. П. В. Волобуев в недавно опубликованной содержательной статье «Из истории синдиката „Продуголь“» (Исторические записки, т. 58, 1956, стр. 107—144), признавая, что «стремление к синдицированию угольной промышленности Донбасса начало проявляться еще задолго до образования „Продугля“» (стр. 108), характеризует этот вопрос очень скупно и лишь попутно.

² Материалы по истории монополизации угольной промышленности Донбасса в конце XIX в. частично приведены в другой статье автора, посвященной начальному периоду монополизации горной и горнозаводской промышленности Украины (см.: Украинський історичний журнал, 1958, № 2, стр. 30—33).

*

Хотя месторождения каменного угля в недрах Донецкого кряжа были открыты еще в Петровское время, начало их промышленной эксплуатации относится лишь к самому концу XVIII в. В крепостное время, когда еще не назрела проблема широкой минерализации топливного баланса России, разработка донецкого угля производилась на мелких полукустарных шахтах и в 1860 г. составляла всего 6 млн пудов.³ Только в условиях общеэкономического подъема конца XIX в., широкого развития железнодорожного строительства и южной металлургии, усиленного прилива иностранных капиталов, при энергичном покровительстве со стороны царского правительства угольная промышленность Донбасса превратилась на рубеже XIX—XX вв. в одну из ведущих отраслей русской индустрии, базирующую свое производство на крупнокапиталистической, относительно механизированной основе. За четыре пореформенных десятилетия (1861—1900 гг.) добыча донецкого угля возросла в 112 раз, составив в 1900 г. 671.7 млн пудов и 68.1% от общероссийской (включая Польшу).⁴ Донбасс, таким образом, с конца XIX в. превращается в один из главных топливных районов России, поистине во всероссийскую кочегарку.

Период наиболее интенсивного развития угольной промышленности Донбасса с конца 70-х годов совпадает по времени с начавшимся процессом ее монополизации, вызреванием ранних форм монополистических соглашений и объединений. В основе этого процесса лежало резкое обострение конкурентной борьбы в связи с чрезвычайно большим и быстрым расширением капиталистического производства, важнейшей же объективной предпосылкой возникновения раннемонополистических объединений и соглашений был чрезвычайно высокий уровень концентрации и централизации производства и капиталов, облегчавший достижение соглашения между крупнейшими капиталистами.

О высоком уровне концентрации производства в угольной промышленности Донбасса с достаточной убедительностью свидетельствуют следующие данные: в 1890 г. крупными предприятиями с годовой производительностью более 500 тыс. пудов было добыто около $\frac{4}{5}$ (77.5%) всего угля в Донбассе,

³ См.: Г. Д. Бакулев, ук. соч., стр. 83.

⁴ См.: Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1900 г. СПб., 1903.

а в 1898 г. — уже 92,2%.⁵ Особенно увеличилось за последнее десятилетие XIX в. количество крупнейших угольных копей, занимавших в своем производстве свыше 1000 рабочих: с 3 в 1890 г. до 24 в 1900 г. Эти предприятия-гиганты занимали 63% всех рабочих бассейна, обладали 74% общей мощности паровых двигателей и паросиловых установок, давая на-гора 71% всей угледобычи.⁶

Возрастание концентрации производства в угольной промышленности Донбасса происходило в обстановке ожесточенной конкурентной борьбы между всеми углепромышленниками из-за цен на добытый уголь, а также рынков его сбыта, между крупнейшими предприятиями при получении казенных заказов, определении направления строительства железных дорог и подъездных путей и т. д. В ходе этой конкурентной борьбы и происходили вытеснение и экспроприация мелких предприятий и капиталистов, еще больший рост концентрации и централизации капиталов, выразившийся в преобладании в Донбассе крупных предприятий акционерного типа. В 1902 г. на долю 40 таких предприятий приходилось уже 86% общедонецкой добычи угля.⁷ Не случайно видный деятель горнопромышленного Юга, крупнейший углепромышленник Н. С. Авдаков с особой силой подчеркнул в одном из своих публичных выступлений в конце 1892 г. то обстоятельство, что «наша промышленность (имеется в виду угольная, — С. П.) группируется в ту же форму, как в Западной Европе, принимает тот вид, который приняли там все рудники, переходя от первоначального развития к большим предприятиям».⁸

Концентрация производства и капиталов в угольной промышленности Донбасса чрезвычайно удачно дополнялась и завершалась концентрацией вывоза добытого угля и наличием в конце XIX в. концентрированного рынка его сбыта. Достаточно сказать, что в 1899—1900 гг. на долю крупнейших экспортеров, отправлявших свыше 1000 вагонов (600 000 пудов) донецкого угля, приходилось уже 92% всего угольного вывоза из западной части бассейна,⁹ иными словами —

⁵ См.: Н. Д. Былим-Колоссовский. Очерк финансово-экономического положения Донецкой каменноугольной промышленности к началу XX века. СПб., 1901, стр. 4.

⁶ Подсчитано по «Сборнику статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1900 г.» (СПб., 1903).

⁷ См.: П. В. Волобуев, ук. соч., стр. 109.

⁸ Труды XVII съезда горнопромышленников Юга России, ч. 2, Харьков, 1893, стр. 527.

⁹ Подсчитано по «Трудам XXV съезда» (ч. 1, Харьков, 1901, Отчет председателя съезда, стр. 10). Восточная часть Донбасса, включавшая в свой состав главным образом антрацитовые копи Грушевского района,

и на рынке угольного сбыта господствовал крупный капитал. С другой стороны, и главные потребители донецкого угля принадлежали к числу крупнейших, в высшей степени патежеспособных организаций: казна, железные дороги, металлургические заводы, пароходства, крупные предприятия и т. п. Их доля в вывозе угля из западного Донбасса составляла в 1900 г. 84.9% (в 1890 г. — 67%).¹⁰ Монополизация производства приводила к монополизации сбыта продукции, и, наоборот, монополизация сбыта вела к заключению первых соглашений монополистического характера.

Важную роль в образовании монопольного рынка сбыта продукции южной горнозаводской промышленности по монопольно высоким ценам, а в конечном счете и в возникновении раннемонополистических объединений на Юге России играла протекционистская политика царского правительства, создававшая обстановку наибольшего благоприятствования для крупнейших южных горнопромышленников щедрой раздачей субсидий, премий, выгодных заказов, ограждавшая их от иностранной конкуренции установлением запретительных таможенных тарифов на ввоз иностранной продукции и сырья и т. п. Так, по настоянию донецких углепромышленников таможенные пошлины на ввозимый в Россию иностранный (преимущественно английский) уголь были доведены в начале 90-х годов фактически до запретительной черты, составив 4 коп. зол. с пуда или 100% средней стоимости угля в бассейне; одновременно были значительно снижены провозные железнодорожные тарифы.¹¹ На казенные средства в конце XIX в. были построены основные железнодорожные ветви и подъездные пути, покрывшие довольно густой сетью территорию Донбасса, а также Мариупольский порт, что обеспечило сравнительно быстрый вывоз добытого угля. В результате продукция донецкой угольной промышленности к началу XX в. не только завоевала внутрирусский рынок, но и уверенно прокладывала себе пути на внешние рынки (на Балканы и в Турцию). Высокий же уровень таможенного обложения способствовал не только устранению конку-

занимала очень скромное место в общем балансе угледобычи по бассейну (не более 10% к началу XX в.) и была представлена в основном мелкими угольными разработками (см.: там же. Доклад статистической комиссии, стр. 2—3).

¹⁰ См.: Труды XVI съезда, ч. 1, Харьков, 1891, стр. XVIII; Труды XXVI съезда, т. I, Харьков, 1902, ведомости 1—9.

¹¹ См.: П. И. Ф о м и н. Горная и горнозаводская промышленность Юга России, т. II. Харьков, 1924, стр. 87, 166—168; М. Н. С о б о л е в. Таможенная политика России во второй половине XIX века. Томск, 1911, стр. 752.

ренции иностранного угля, но и установлению монопольно высоких рыночных цен.

Монополизации угольной промышленности Донбасса немало способствовал и иностранный капитал, игравший здесь с конца XIX в. ведущую роль.¹² Для получения высоких монопольных прибылей и ради облегчения борьбы за господствующее положение в соответствующих отраслях экономики иностранные капиталисты зачастую переносили в Россию сами организационные формы крупного монополизированного производства. Не случайно поэтому первые монополистические объединения в России возникают именно в тех отраслях и экономических районах, где главную роль играют капиталы иностранных обществ и банков. Главным же центром приложения иностранных капиталов в России был южный горнопромышленный район, Донбасс. Екатеринославская газета «Приднепровский край» писала по этому поводу: «Если окинуть беспристрастным оком нашу южнорусскую промышленность, каждый увидит, что иностранные капиталисты стремятся к массовым производствам (уголь, железо, нефть и т. п.) — к продуктам, потребляемым большинством населения. И вот столь важные отрасли промышленности и производства, как отмеченные, монополизируются с систематичностью и последовательностью, свойственными западным людям, — и теперь уже мы сами не являемся у себя хозяевами этих производств, а иностранцы, которым мы платим столько, сколько они желают».¹³

Наконец, значительную роль в монополизации угольной промышленности Донбасса играли тесные связи банков (русских и иностранных) с крупными предприятиями, образующиеся уже с конца XIX в. Из скромных посредников в платежах банки в эти годы превращаются в учредителей и активных участников торгово-промышленных обществ и компаний, кровно заинтересованных в конечных результатах их деятельности. Эта заинтересованность закономерно приводит к сращиванию, начиная с конца 90-х годов, банковского и промышленного капиталов в ведущих отраслях русской промышленности и образованию на их базе финансового капитала, укреплению личных связей (персональной унии) между банками и крупнейшими промышленными предприятиями. Это соответственно еще более усиливает тенденции монополизации, ибо для

¹² Согласно далеко не точным подсчетам Б. Ф. Брандта, не менее половины всех угольных разработок Донбасса, причем наиболее крупных, находилось в руках французских и бельгийских (по преимуществу) капиталистов (см.: Б. Ф. Брандт. Иностранные капиталы, ч. 2. СПб., 1899 стр. 118).

¹³ Приднепровский край, 1898, № 280.

обеспечения высоких прибылей банки стремятся как-то ограничить размах конкурентной борьбы и в связи с этим всячески содействуют объединению капиталистов.

Большинство крупных угольных предприятий Донбасса было основано и финансировалось французскими, бельгийскими и немецкими банками.¹⁴ Часть капиталов (русских и иностранных) поступала в Донбасс и через русские банки (Петербургский международный, Петербургский учетный и ссудный, Волжско-Камский, Харьковский торгово-промышленный и Азовско-Донской).¹⁵ В начале 1897 г. во Франции усилиями крупнейшего парижского банка «Сосьете женераль» был создан мощный консорциум заинтересованных в эксплуатации южно-русских минеральных богатств иностранных и русских банков, так называемый «Омниум» (Генеральное общество горной и металлургической промышленности в России), с основным капиталом в 25 млн фр., призванный, по сообщению «Торгово-промышленной газеты», «сосредоточить в одно целое разбросанные ныне в разных местностях горнопромышленные и металлургические предприятия» и играть «в России ту же роль, которую занимают в Америке синдикаты или тресты».¹⁶ Всего, по расчетам Е. Л. Грановского, до $\frac{2}{3}$ (65.2%) основного капитала в русской угольной промышленности приходилось на долю промышленных обществ, находившихся в тесных связях с банками.¹⁷

Таким образом, мы видим, что в конце XIX в. сложились необходимые объективные предпосылки монополизации угольной

¹⁴ Крупнейшими из них были «Сосьете женераль» («Генеральное общество для содействия развитию торговли и промышленности во Франции» — «Société Générale pour favoriser le développement du commerce et de l'industrie en France»), Банк де Пари э де Пэи-Ба (Парижско-Нидерландский банк — Banque de Paris et de Pays-Bas) и Банк фюр хандель унд индустри (Торгово-промышленный банк — Bank für Handel und Industrie, Берлин).

¹⁵ См.: Е. Л. Грановский. Монополистический капитализм в России. Л., 1929, стр. 26—29; С. Л. Ронин. Иностранный капитал и русские банки. М., 1926, стр. 35.

¹⁶ Торгово-промышленная газета, 1897, № 36. В конце 90-х годов предпринимались попытки (правда, по ряду причин безуспешные) организовать подобные промышленно-финансовые объединения и в России. В ноябре 1895 г. бельгийский банкирский дом Нагельмакер от имени ряда бельгийских и французских фирм ходатайствовал перед русским Министерством финансов об открытии на Юге России промышленного банка с капиталом в 20 млн фр. для представительства интересов франко-бельгийских капиталистов (см.: С. Л. Ронин, ук. соч., стр. 31). С подобным же предложением об организации так называемой «Всеобщей компании угольной промышленности Донбасса», с капиталом в 3 млн р., в конце 1899 г. через Международный банк обратился председатель правления бельгийского Анонимного общества Рыковских каменноугольных копей Ф. Шматцер (ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 670, лл. 20—23).

¹⁷ Е. Л. Грановский, ук. соч., стр. 27—28.

промышленности Донбасса. Характерной особенностью указанного процесса было отсутствие здесь таких оформленных ранне-монополистических объединений, как например «Союзы» металлургических и металлообрабатывающих заводов, возникшие и действовавшие в 1880—1890-е годы.¹⁸ Это обстоятельство объясняется, во-первых, наличием в Донбассе конца прошлого века значительного количества мелких угольных предприятий, которые, не играя большой роли в общем балансе угледобычи в бассейне, сдерживали, тем не менее, установление монопольных цен, монополизацию угольного рынка. Возникновению «Продугля» поэтому должны были предшествовать вытеснение и экспроприация мелких и средних углепромышленников, что и происходит на рубеже двух веков. Во-вторых, в условиях официального запрета тогдашним русским законодательством «стачек предпринимателей» крупнейшие донецкие углепромышленники предпочитали все свои монопольные операции производить негласно, с успехом используя для этой цели такую легальную организацию крупного капитала, как съезды горнопромышленников Юга России, которые не только подготовили почву для возникновения южных монополий, но и сами выполняли в ряде случаев функции картельно-синдикатского характера.

Съезды горнопромышленников Юга России, начавшие собираться с середины 70-х годов,¹⁹ были первой представительной организацией крупного капитала в России. Хотя официально съезды именовались органом всех южных горнопромышленников, по существу, вплоть до самого конца XIX в. они почти исключительно представляли интересы углепромышленников Донбасса. Южные металлургические заводы примкнули к съездов-

¹⁸ Об их деятельности см.: В. И. Б о в ы к и н. Новые сведения о ранних монополиях в России. Вестник Московского университета, Серия историко-филологическая, 1956, № 1, стр. 181—187; С. І. П о т о л о в. Початок монополізації гірничої і гірничозаводської промисловості України в кінці XIX ст. Український історичний журнал, 1958, № 2, стр. 25—30.

¹⁹ I съезд состоялся в ноябре 1874 г. в Таганроге, II — в 1877 г. там же, III — в 1878 г. в Харькове, IV — в 1879 г. в Новочеркасске. Начиная с пятого, съезды собираются регулярно, раз в год, в Харькове, который до революции был главным центром южной горнозаводской промышленности. Всего к началу XX в. (по 1900 г. включительно) состоялось 25 очередных и 5 экстренных съездов. Съезды издавали свои «Труды» (стенограммы и другие материалы съездов), специальный журнал «Южно-русский горный листок» (позднее выходил под названиями «Горнозаводской листок» и «Горнозаводское дело») и разного рода статистические материалы (см.: П. И. Ф о м и н. Краткий очерк истории съездов горнопромышленников Юга России. Харьков, 1908). Интересные заметки о первых съездах горнопромышленников Юга России оставил один из инициаторов их созыва — горный инженер и промышленник А. А. Ауэрбах (см.: Русская старина, 1909, июнь, декабрь).

ской организации только в 1892 г.,²⁰ но особенно активного участия в их работе до начала 1900-х годов не принимали, предпочитая решать интересующие их вопросы посредством созданной в 1887 г. Петербургской постоянной совещательной конторы железозаводчиков. «Съезды, — отмечалось в одном из выступлений, — остаются горнопромышленными лишь по названию; de facto же обращаются исключительно в углепромышленные, где на всякое участие чуждого промысла смотрят как на лишнюю обузу, где к интересам этих промыслов относятся, если не враждебно, то безучастно».²¹

Через ежегодно избираемых уполномоченных и созданный в 1892 г. постоянный руководящий орган, Совет съездов, съезды горнопромышленников Юга России поддерживали тесный контакт с правительством по самым различным вопросам: прокладка новых железных дорог и подъездных путей, снижение тарифов на перевозку угля, получение казенных заказов, повышение пошлины на ввозимое из-за границы минеральное топливо, регулирование рабочего вопроса и т. п., а также ведали вопросами повседневной практики угольного дела в Донбассе. В большинстве случаев, как при постановке указанных вопросов, так и при их разрешении, царское правительство шло навстречу горнопромышленникам. Съезды были связаны с горнопромышленниками Польши и Урала, чьи представители принимали участие в их работе.²²

Южные горнопромышленные съезды были организацией крупного и крупнейшего капитала, орудием подавления и вытеснения мелких капиталистов и промышленников. Сама инициатива их созыва исходила от «представителей серьезных угольных предприятий»,²³ которые и стояли у основания этой организации, рассматривая горнопромышленные съезды как орудие в осуществлении их планов монополизации угольного производства и сбыта. Выступая на VIII съезде горнопромышленников Юга России (в октябре 1883 г.), крупный углепромышленник А. Н. Жуковский открыто заявил по этому поводу: «Мелкие предприятия год от году исчезают, а число крупных увеличивается. Вот мне и кажется, что съезд, как выразитель нужд

²⁰ См.: Труды XVII съезда, ч. 2, стр. 636.

²¹ Труды XI съезда, ч. 1, Харьков, 1886, стр. 478.

²² Подробнее о работе съездов горнопромышленников Юга России см.: П. И. Фомин. Краткий очерк истории съездов горнопромышленников Юга России; П. И. Фомин. Горная и горнозаводская промышленность Юга России, тт. I—II. Харьков, 1915—1924.

²³ Из выступления председателя XIV съезда горнопромышленников Юга России горного инженера Е. Н. Таскина (Труды XIV съезда, ч. 2, Харьков, 1890, стр. 396. — Разрядка моя, — С. П.).

углепромышленности, должен исходить от крупных предприятий».²⁴

Вся практическая деятельность съездовской организации является лучшим свидетельством дискриминационной политики крупнейших углепромышленников по отношению к владельцам небольших разработок и мелких углеторговцев, их постепенного отстранения от решения важнейших вопросов. Поначалу мелкие предприниматели попросту не допускались на горнопромышленные съезды. Так было на первых съездах.²⁵ В дальнейшем, не будучи формально лишены права участия в работе съездов, они фактически не имели никакого веса и не оказывали влияния на решение важнейших финансовых и организационных вопросов и не могли быть избранными в руководящие органы вследствие системы высоких цензов, установление которых, по выражению одного из руководителей съездовской организации А. К. Алчевского, явилось «усовершенствованием нашего дела».²⁶

Первоначально (с 1885 г.) право решающего голоса, необходимого для выборов руководящих съездовских органов, было предоставлено тем горнопромышленникам, которые вывезли в течение года не менее 250 вагонов продукции и уплатили соответствующий сбор в специальный фонд.²⁷ Уже тогда это означало на деле лишение прав до $\frac{2}{3}$ всех углепромышленников,²⁸ «избиение младенцев» — по меткому выражению современника.²⁹ Однако это был только первый шаг. В дальнейшем, по мере усиления концентрации производства, крупные предприниматели добиваются еще большего расширения своих привилегий, настаивая в этих целях на изменении съездовских цензов. Инициаторами в этом деле выступили владельцы южных металлургических заводов, предложившие предоставить крупнейшим горно-

²⁴ Труды VIII съезда, Харьков, 1884, стр. 182—183.

²⁵ В телеграмме на имя министра государственных имуществ П. А. Валуева (ноябрь 1878 г.) ряд мелких донецких углепромышленников и торговцев углем жалуется на недопущение их на очередной III съезд горнопромышленников Юга России. «В отказе председателя (допустить на съезд, — С. П.), — говорится, в частности, в телеграмме, — мы находим нарушение как наших интересов, так и интересов большинства мелких углепромышленников... Сосредоточение же производства угольной промышленности в руках немногих крупных шахтохозяев очевидно клонилось бы в ущерб целого края мелких углепромышленников и потребителей» (ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 65, д. 2003, лл. 99—100).

²⁶ Труды XXII съезда, ч. 2, Харьков, 1898, стр. 317.

²⁷ Положение о горнопромышленных съездах южной России (§ 27), утвержденное 27 апреля 1885 г. министром государственных имуществ М. Н. Островским: ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 65, д. 2109, л. 10 об.; Труды IX съезда, Харьков, 1885, Доклады, стр. 194.

²⁸ Там же, стр. 197.

²⁹ Труды VIII съезда, стр. 191.

промышленникам право нескольких голосов, пропорционально объему производимой и вывозимой ими продукции.³⁰

Вопрос об изменении ценза в течение нескольких лет обсуждался на очередных горнопромышленных съездах и в правительственных учреждениях и окончательно был решен в 1898 г. Согласно новому положению о съездах, сохранялся первоначальный ценз на получение одного решающего голоса — 250 вагонов, однако вывоз 1000 вагонов продукции давал право уже на 2 голоса, а свыше 4000 вагонов — на 3 голоса.³¹ Комментируя новые цензы, один из мелких углепромышленников (С. С. Кгаевский) отмечал, что «именно этот параграф (имеется в виду § 31 нового положения о съездах горнопромышленников Юга России, где приводятся цензы, — С. П.) в том виде, в каком его доложил председатель комиссии, составлен в духе уставов акционерных обществ».³² Результатом введения новых цензов явилось еще большее сосредоточение всех функций съездовской организации в руках крупнейших горнопромышленников, которые и вершили всеми делами. Достаточно сказать, что уже на следующем (после введения новых цензов) XXIV горнопромышленном съезде из

³⁰ Защищая эти предложения, руководитель Русско-Днепровского металлургического общества Ясюкович с достаточной открытностью говорил на XVIII съезде горнопромышленников Юга России: «Устав должен быть пересмотрен с начала до конца и составлен совершенно на других основаниях, не только по отношению к нам (имеются в виду владельцы металлургических заводов, — С. П.), но и по отношению к углепромышленникам, — по той простой причине, что нельзя давать одинаковое право голоса углепромышленнику, добывающему 250 вагонов угля, и углепромышленнику, добывающему 20—25 млн пуд. угля. Точно так же я не могу сравнивать себя, как представителя Днепровского металлургического завода, с углепромышленником, добывающим 250 ваг. угля, и полагаю, что голос представителя металлургического завода должен иметь несколько большее значение, чем голос углепромышленника, добывающего 250 вагонов (обращаясь к Авдакову и Мсциховскому), так же, как и ваш голос должен раздаваться гораздо громче на съезде, чем голос маленького кустаря. Это совершенно естественно» (Труды XVIII съезда, ч. 2, Харьков, 1894, стр. 365—366).

³¹ Труды XXIII съезда, ч. 2, Харьков, 1899, стр. 195. Характерно, что в своих планах крупнейшие горнопромышленники шли значительно дальше: первоначальный их проект новых цензов предусматривал повышение цензового минимума до 500 вагонов вывоза в год с последующим увеличением числа голосов (при каждом тройном увеличении минимума: 1500 вагонов — 2 голоса, 4500 — 3 голоса и т. д.). Однако этот проект не встретил поддержки в правительственных кругах и после серьезных поправок был принят в вышеприведенной редакции. (Письмо директора Горного департамента Н. Денисова председателю Совета съезда горнопромышленников Юга России от 25 сентября 1898 г.: ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 65, д. 2786, лл. 2—3, 6).

³² Труды XXII съезда, ч. 2, стр. 310.

166 участников только 24 участвовали в голосовании, обладая 64 избирательными шарами.³³

Овладев выборными органами съездов, крупные горнопромышленники полностью отстранили от дел мелких и средних предпринимателей, проводя по отношению к ним откровенно дискриминационную политику. Невыполнение заявок на распределение и подачу вагонов для вывоза добытого угля,³⁴ лишение представительства в выборных органах съездов и других горнозаводских организаций, игнорирование разного рода ходатайств — таков далеко не полный перечень средств и методов подавления мелкой промышленности. «Ввиду исключительного положения крупных промышленников, — говорил на XXIII съезде мелкий шахтовладелец С. С. Кгаевский, — все остается за ними: лучшие подряды за крупными промышленниками, подъездные пути разрешаются только крупным промышленникам, ускорение ходатайств достигают только крупные промышленники, хотя и не могут объяснить, каким это достигается путем».³⁵

С момента своего возникновения южные горнопромышленные съезды явились ареной ожесточенной конкурентной борьбы, в ходе которой крупный капитал к концу XIX в. завоевал все ключевые позиции в горной и горнозаводской промышленности Юга России, и тем самым была расчищена почва для монополистических объединений. Сам характер объединенных выступлений перед лицом правительства и в борьбе с конкурентами подвигал южных магнатов-горнопромышленников вплотную к мысли об организации объединений монополистического типа. И не случайным является то обстоятельство, что решение о создании крупнейших южных монополий «Продамета» и «Продугля» выкристаллизовалось в окончательном виде в ходе работ горнопромышленных съездов.

Донецким же углепромышленникам удалось с самого начала приспособить аппарат съездовской организации к выполнению функций чисто монополистического характера. Так, съезды

³³ Труды XXIV съезда, ч. 1, Харьков, 1900, стр. 101—102.

³⁴ Первоначально распределением железнодорожного подвижного состава для вывоза угля занималась особая комиссия выборных, которую неоднократно обвиняли в несправедливом отношении к нуждам мелких промышленников и даже «в стачке с крупными шахтовладельцами, в видах устранения конкуренции и поднятия цен на уголь» (Труды XIII съезда, ч. 1, Харьков, 1889, стр. 174, 373). Положение мало изменилось и после перехода в 1888 г. дела распределения вагонов и регулирования всего угольного вывоза из Донбасса в ведение специально учрежденного в Харькове правительственного комитета по угольным перевозкам, который в своей практической деятельности всецело зависел от горнопромышленников, входивших в его состав. О комитете см.: П. И. Фомин. Горная и горнозаводская промышленность Юга России, т. II, стр. 56—57.

³⁵ Труды XXIII съезда, ч. 2, стр. 63.

горнопромышленников Юга России фактически регулировали объем ежегодного производства, вывоза и сбыта угля. Внешне это выглядело совсем безобидно: каждый год органами съездов вырабатывались контрольные цифры добычи и вывоза угля на отдельных шахтах и копях и в целом по бассейну. На деле данные эти были совсем не ориентировочные, а по существу обязательной нормой, являвшейся главным мериллом при распределении всего железнодорожного подвижного состава. Добытый сверх этой нормы уголь по существу не имел доступа к широкому рынку. Н. С. Авдаков имел все основания как-то заявить по этому поводу: «...мы сами, углепромышленники, держим так крепко друг друга за руки, что не даем никому свободно идти и свободно развивать тот или другой рынок».³⁶

На съездах, в перерывах заседаний, производились различные сделки, заключались контракты на поставку угля, определялись цены.³⁷ Не случайно и сам созыв очередных съездов всегда происходил в конце года (обычно в ноябре месяце), когда всего удобнее было выяснить рыночную конъюнктуру в предстоящем году. В 1895 г. XX съездом при совете съезда была образована постоянная комиссия по расширению сбыта угля, которая организовала в Москве склады и специальную контору для торговли донецким углем.³⁸

В последней четверти XIX в. предпринимались и прямые попытки создания крупных угольных монополий. Первая такого рода попытка была сделана еще в 1878 г. на III съезде углепромышленников Юга России. Выступавший тогда при обсуждении вопроса о горнопромышленном кредите крупный углепромышленник А. А. Ауэрбах предложил организовать акционерное общество, производящее комиссионную продажу угля и другие коммерческие операции синдикатского характера.³⁹ Защищая свой проект, Ауэрбах призывал придать обществу «вид специально комиссионного учреждения, и чтобы кредит был в сущности побочным предметом. Это комиссионное учреждение, если оно будет иметь возможность облегчать продажу продуктов открытием складов, подъездных путей, — представит еще следующее удобство: оно будет солидным посредником между производителями и потребителями... Мне кажется тем больше будет пользы, если это

³⁶ Труды X съезда, ч. 2, Харьков, 1886, стр. 110.

³⁷ См.: Доклад комиссии по вопросам, поставленным Министерством финансов. Труды XXIV съезда, ч. 1, стр. 2.

³⁸ См.: Труды XX съезда, ч. 1, Харьков, 1895, стр. 543.

³⁹ Характерно, что сам Ауэрбах признавал, что «эта форма новая у нас, но она существует за границей» (Третий съезд углепромышленников в Харькове. Харьков, 1878, стр. 125).

посредничество будет в руках солидного учреждения, состоящего из солидных углепромышленников».⁴⁰ Проект Ауэрбаха в своей основе был достаточно утопичным, так как пытался соединить в одном учреждении две различные по своему характеру функции: общества взаимного кредита (в его создании были особенно заинтересованы мелкие углепромышленники) и монополистической организации крупного капитала.⁴¹ Поэтому он не нашел поддержки на съезде и был провален при голосовании.

Вторично проект создания объединения донецких углепромышленников в форме экспортного синдиката возник в 1895 г. Создание многих новых угольных предприятий, быстрый рост добычи каменного угля и усиление конкурентной борьбы, обозначившиеся в половине 90-х годов, — все это делало весьма реальной угрозой угольного перепроизводства и соответственно — падения цен, чего крайне боялись крупные углепромышленники.

На XX горнопромышленном съезде в ноябре 1895 г. этим вопросом специально занималась особая комиссия под председательством Н. С. Авдакова. В своем докладе на съезде Н. С. Авдаков подчеркнул необходимость срочного принятия «каких-либо мер, чтобы восстановить более или менее правильное соотношение между производством и потреблением минерального топлива».⁴² В качестве главной такой меры было признано необходимым значительно увеличить угольный экспорт за границу и с этой целью выработать соответствующие организационные формы, предусматривающие «полную солидарность участия существующих копей Донецкого бассейна».⁴³ Как подчеркивал в своем выступлении углепромышленник А. Н. Жуковский, «это условие тем более необходимо, что оно обеспечивает успех в борьбе с конкуренцией иностранных фирм, которые уже утвердились на искомых рынках».⁴⁴

Второй докладчик, О. Л. Шен, сославшись на пример западноевропейских монополий, использующих внешний рынок и экспорт товарных излишков по бросовым ценам для поддержа-

⁴⁰ Там же, стр. 127. — Разрядка моя, — С. П.

⁴¹ Проектируемое Ауэрбахом общество должно было состоять из действительных членов, которыми могли быть все горнопромышленники, и акционеров. Первые имели право на получение кредитов, вторые по существу вершили всеми делами общества и получали дивиденды. Такое фантастическое «разделение труда» было высмеяно одним из углепромышленников, заявившим, что из комбинаций Ауэрбаха «выйдет такая смесь, что трудно будет ее понять. Тут явятся... два противоположных элемента: один будет бить на большой дивиденд, а другой на более дешевый кредит» (Третий съезд углепромышленников, стр. 132).

⁴² Труды XX съезда, ч. 1, стр. 501.

⁴³ Там же, стр. 532. — Разрядка моя, — С. П.

⁴⁴ Там же.

17 20 464

ния высоких внутренних цен,⁴⁵ также заявил, что «своевременно будет подумать о тех мерах, при которых было бы возможно удержать продажные цены на уровне, хотя бы только безубыточном для углепромышленников».⁴⁶

XX съездом горнопромышленников Юга России была разработана целая система мероприятий, предусматривающая снижение экспортных цен на уголь (для вытеснения конкурентов с иностранных рынков) с последующим возмещением убытков экспортеров из особого фонда, учрежденного съездом, создание за границей угольных складов и открытие там специальных сбытовых агентств.⁴⁷ Большие надежды возлагали углепромышленники на правительство, которое должно было, по их мысли, субсидировать все это дело и, в частности, установить попутную премию за вывоз угля за границу и соответственно снизить провозные тарифы.⁴⁸ Надежды эти имели основания. Как известно, при полной поддержке и помощи царского правительства в 1893 г. был организован нефтяной экспортный синдикат. На этот раз, однако, царское правительство отказало почти во всех ходатайствах донецким углепромышленникам, и их объединение так и не состоялось.

Было бы, однако, неправильно полагать, что в конце прошлого века предпринимаются только попытки в деле создания монополистических объединений в угольной промышленности Донбасса. Сопоставление и анализ документов позволяют установить наличие ряда временных соглашений типа «рингов» между крупнейшими углепромышленниками, предусматривавших, как правило, согласованное повышение цен для получения высокой монопольной прибыли. В этих соглашениях как раз и заклю-

⁴⁵ О. Л. Шен для своего доклада широко использовал изданные в 1895 г. Министерством финансов «Материалы по пересмотру тарифов на перевозку каменного угля», в которых нашел «некоторые указания и данные, полезные при предстоящей комиссии (Авдакова, — С. П.) работе» (там же, стр. 534. — Разрядка моя, — С. П.). Что нашел полезного в указанных «Материалах» О. Л. Шен, показывает один из отрывков, процитированный им в докладе: «При распространении в Западной Европе угольных синдикатов такое положение добычи угля ведет к тому, что местная угольная промышленность, для поддержания внутренних цен на известной выгодной для нее высоте, стремится освободиться путем вывоза от тех излишков угля, которые образуются у нее сверх местного спроса; эти излишки обыкновенно сбываются по самым низким, иногда убыточным ценам, каковые убытки, однако, покрываются повышением внутренних цен, как видно из сказанного, на несравненно более значительные количества угля, потребляемого на месте» (Материалы по пересмотру тарифов на перевозку каменного угля по всей сети российских железных дорог в 1894 г., вып. I. СПб., 1895, стр. 6).

⁴⁶ Труды XX съезда, ч. 1, стр. 539. — Разрядка моя, — С. П.

⁴⁷ Там же, стр. 543.

⁴⁸ Там же, стр. 543—544.

чается секрет так называемых «угольных кризисов» конца XIX в., о которых много писали и говорили современники. Не случайно сами углепромышленники признавали, что «конкуренция между углем никогда не ослабевала, кроме исключительных годов кризиса... а эта конкуренция всегда держится цен в довольно низких размерах».⁴⁹

Так, в начале 1888 г. в борьбе с сильным падением цен на уголь крупнейшие углепромышленники Донбасса, по собственному признанию, «попридержались в развитии добычи угля».⁵⁰ Одновременно был сокращен и угольный вывоз. Впоследствии выяснилось, что в самый разгар угольного кризиса, осенью 1888 г., на копях и шахтах бассейна имелось свыше 7 млн пудов угля, с вывозом которого шахтовладельцы не очень торопились.⁵¹

В результате этого сговора угольных королей Донбасса цены на уголь подскочили на местах добычи до 8 коп. за пуд (против 4—5 коп. в 1887 г.), а в городах до 40 коп. и выше,⁵² хотя сами углепромышленники признавали эти цены «более или менее нормальными и если таковые продержатся и далее, то только при таких условиях каменноугольная промышленность оживится от угнетенного состояния цен истекших годов».⁵³ Даже высшие правительственные чиновники, спешно командированные на Юг в связи с угольным кризисом, вынуждены были признать, что в угольной промышленности Донбасса «есть что-то ненормальное... что есть больные места, которые необходимо исправить».⁵⁴ Печать и общественность прямо обвиняли донецких углепромышленников «в умышленном и несправедливом повышении продажных цен угля по стачке, или взаимному между собою соглашению».⁵⁵

⁴⁹ Труды XV съезда, ч. 1, Харьков, 1891, стр. 267. — Разрядка моя, — С. П. Связь угольных кризисов с соглашениями углепромышленников признавали и наиболее вдумчивые исследователи экономической жизни России тех лет: «Некоторые данные позволяют думать, что ежегодные кризисы в нашей каменноугольной промышленности, с чрезвычайным повышением цен, являются также результатом соглашений» (В. Бирюкович, Промышленные синдикаты. Вестник Европы, 1895, кн. 2, стр. 606).

⁵⁰ Труды экстренного съезда углепромышленников Юга России. Харьков, 1888, стр. 69. — Разрядка моя, — С. П.

⁵¹ См.: Труды XIII съезда, ч. 2, стр. 71.

⁵² Там же, стр. 72, 149. В Одессе цены на донецкий уголь зимой 1888 г. достигали (в январе) 70 коп. за пуд (Одесский вестник, 1888, № 202).

⁵³ Труды экстренного съезда углепромышленников Юга России, стр. 72.

⁵⁴ Из выступления директора Горного департамента Кулибина на XIII съезде горнопромышленников Юга России (в ноябре 1888 г.; см.: Труды съезда, ч. 2, стр. 5).

⁵⁵ Там же, ч. 1, стр. 194. — Разрядка моя, — С. П.

Вопрос об угольном кризисе специально обсуждался на экстренном и очередном XIII съездах. Вынужденное считаться с фактом острого недостатка угля для казенных железных дорог правительство должно было припугнуть углепромышленников отменой пошлин на иностранный уголь. Угроза эта возымела свое действие, и постепенно добыча и вывоз угля увеличились.

Вторичный сговор донецких углепромышленников имел место в самом конце 1893 г., когда железным дорогам, металлургическим заводам и другим потребителям было недопоставлено около 15 млн пудов угля. В результате этого некоторые металлургические заводы вынуждены были прекратить свою работу, а цены на уголь значительно поднялись.⁵⁶ Мысли крупных шахтовладельцев с предельной откровенностью тогда выразил один из лидеров горнопромышленного Юга, банкир и углепромышленник А. К. Алчевский, заявивший на XVIII горнопромышленном съезде: «Мы заинтересованы в том, чтобы на каменный уголь была хорошая цена, чтобы мы имели известный заработок».⁵⁷ Оценивая создавшееся в конце 1893 г. в результате очередного угольного кризиса трудное положение на русском топливном рынке, правление Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ), несомненно бывшее в курсе всех «угольных дел»,⁵⁸ в специальной записке (от 13 декабря 1893 г.) на имя директора Департамента торговли и мануфактур В. И. Ковалевского особо отмечало, что «Донецкому бассейну удалось окружить себя непроницаемым кольцом покровительства и монополизировать в свою пользу торговлю углем. Главная добыча угля сосредоточена теперь в нескольких больших шахтах, которым нетрудно было удвоить цены на каменный уголь, а временами и в иных местах уголь достиг до 30 коп. за пуд. Такое колебание цен и недостаток угля принято называть каменноугольным кризисом; и это едва ли не четвертый кризис со времени установления золотой пошлины на уголь (имеется в виду обложение в 1884 г. иностранного угля, ввозимого через порты Черного и Азовского морей, таможенной пошлиной в 2 коп. зол. с пуда. — С. П.)... Очевидно, что настоящее положение потребителей русского угля невыносимо, и возникающие периодически угольные кризисы действуют самым разорительным обра-

⁵⁶ О положении каменноугольной промышленности (справка к докладу министра финансов по данным на октябрь 1893 г.): ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 5, д. 597, лл. 49, 71, 73; Труды XVIII съезда, ч. 2, стр. 42, 75.

⁵⁷ Там же, стр. 93.

⁵⁸ РОПиТ имело свои собственные антрацитовые разработки в Донбассе (в Грушевском районе), являлось одним из наиболее значительных потребителей донецкого угля и, кроме того, поддерживало тесные деловые отношения с крупнейшими фирмами, занимавшимися угольным вывозом по Черному морю за границу.

зом как на массу народонаселения, так и на все пароходные, фабричные и промышленные предприятия».⁵⁹

Южные горнопромышленники умело использовали временные топливные трудности и, всячески спекулируя на угольном дефиците, добивались от правительства строительства новых подъездных железнодорожных линий и разного рода других льгот. Их же постоянные обещания — удовлетворять все потребности в угле по доступным ценам — обычно повисали в воздухе и на деле оказывались чистой фикцией.

Между донецкими углепромышленниками заключались и другие временные соглашения и сделки, в частности — при поставках крупных партий угля железным дорогам.⁶⁰ Сведения об одном таком соглашении начала 1897 г. проникли в печать и произвели большой шум. Уполномоченные XXI съезда горнопромышленников Юга России Н. С. Авдаков и А. В. Долгово-Сабуров в своих докладных записках министрам финансов и путей сообщения вынуждены были признать «частный случай заявления несколькими углепромышленниками казенным железным дорогам... о невозможности продолжать поставку угля по прежней цене — 5³/₄ коп. и сделанные заявления по 6¹/₂ коп.».⁶¹ По всей вероятности, это был не единственный случай в те годы.

Конец 90-х годов был ознаменован особенно высокими темпами развития угольной промышленности Донбасса. Только за последнее пятилетие XIX в. добыча угля в бассейне увеличилась в 2,3 раза. Эти высокие темпы определялись прежде всего успехами развития крупного капиталистического угольного производства, получившего к началу XX в. полное преобладание в Донбассе. Стремясь удержать цены на высоком уровне и с этой целью постоянно держать угольный рынок в крайне напряженном состоянии, крупные углепромышленники, по-видимому, не без предварительного сговора с 1898 г. резко увеличивают коксовое производство, передел значительного количества угля в кокс. Только за один 1899 г. количество коксовых печей увеличилось с 3 до 4 тыс., с производительностью до 147 млн пудов кокса.⁶²

⁵⁹ ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 5, д. 597, лл. 186 об. — 187.

⁶⁰ Наличие таких кратковременных, юридически не оформленных, соглашений углепромышленников Донбасса признавал и такой безусловно осведомленный в подобных делах исследователь, как П. И. Фомин, бывший в начале 1900-х годов секретарем съездов горнопромышленников Юга России. См.: П. И. Фомин. Синдикаты и тресты. Харьков, 1919, стр. 31; см. также: М. А. Курчинский. Союзы предпринимателей. Экономический этюд. СПб., 1899, стр. 151.

⁶¹ Труды XXII съезда, ч. 1, Харьков, 1898, стр. 52—53.

⁶² См.: Доклад комиссии по вопросам, поставленным министром финансов. Труды XXIV съезда, ч. 1, стр. 8—9.

Результаты всех этих мер не замедлили сказаться. Начиная с середины 1898 г., мы наблюдаем возникновение настоящего угольного голода и соответственно неуклонное повышение цен, достигших в 1899—1900 гг. небывалого уровня — 11, а в отдельных случаях и 14 коп. за пуд на месте добычи (против 5—7 коп. в предшествующие годы).⁶³ Даже суворинское «Новое время» признавало, что подобное вздорожание — результат соглашения углепромышленников.⁶⁴ А государственный контролер П. Л. Лобко в своем письме министру путей сообщения М. И. Хилкову от 4 февраля 1900 г. прямо подчеркивал, что «состояние угольного рынка зависит во многом от действий самих горнопромышленников... есть достаточно оснований полагать, что и настоящий кризис является следствием стачки углепромышленников, предпочитающих получать громадные и верные барыши с небольшого количества добываемого угля — развитию этого дела, при котором лишь гадательно могут получиться барыши вследствие увеличения добычи угля».⁶⁵

Царское правительство предприняло ряд весьма робких шагов, пытаясь регулировать угольное производство,⁶⁶ однако по существу оно не пошло дальше предоставления новых льгот углепромышленникам, что, в конечном счете, еще больше укрепило позиции крупного капитала в Донбассе, через временные, тайные соглашения проложившего путь к синдикату «Продуголь».

Цель каждого соглашения капиталистов — получение высокой монополярной прибыли. Важнейшим средством

⁶³ Отчет руководителя правительственной комиссии по обследованию донецкой каменноугольной промышленности Н. Д. Былим-Колоссовского (ноябрь 1900 г.) (ЦГИАЛ, ф. 268, оп. 2, д. 1246, л. 183 об.); Журнал междуведомственного совещания при Министерстве финансов по вопросу об установлении цен на рельсы (январь 1903 г.) (ЦГИАЛ, ф. 268, оп. 5, д. 18, л. 68 об.).

⁶⁴ См.: Новое время, 1898, № 8121, 6 октября.

⁶⁵ ЦГИАЛ, ф. 273, оп. 9, д. 7662, л. 10. — Разрядка моя, — С. П.

⁶⁶ В Донбасс дважды (в 1898 и 1900 гг.) направлялись правительственные комиссии В. А. Мясоедова-Иванова и Н. Д. Былим-Колоссовского. В 1899 г. в Харьков приезжал министр финансов С. Ю. Витте и, наконец, в январе—феврале 1900 г. в Петербурге под председательством директора Департамента торговли и мануфактур В. И. Ковалевского состоялось особое междуведомственное совещание по вопросу о положении угольной промышленности России. Углепромышленников пытались припугнуть понижением ввозных пошлин на иностранный уголь, но они на своем опыте великолепно знали и понимали, чего стоят такие угрозы. В конце концов совещание 1900 г. занялось всецело вопросом о помощи и углепромышленникам и разговоры о ввозе угля из-за границы отошли на второй план (см.: Отчет уполномоченных XXIII съезда. Труды XXIV съезда, ч. 1, стр. XVI; см. также: Журналы комиссии В. А. Мясоедова-Иванова, ноябрь—декабрь 1898 г., и междуведомственного совещания 1900 г.: ЦГИАЛ, ф. 265, оп. 4, д. 1131, л. 10 об.; ф. 268, оп. 2, д. 1246, лл. 1—45).

в осуществлении этой цели, ради чего капиталисты и идут на сговор между собой, является установление монопольных цен на производимую и сбываемую продукцию. Это средство является главным и определяющим в политике всякого монополистического объединения, начиная с его ранних, еще несовершенных форм и кончая могучими капиталистическими трестами и концернами.

Характерным для развития империализма в России является то, что установлению капиталистическими объединениями монопольных цен немало способствовала и благоприятствовала протекционистская политика царского правительства. Повышенные таможенные ставки, разного рода премии и льготные цены за казенные поставки — все это составным элементом вливалось в высокие продажные цены на чугун, уголь, металлические изделия и другие виды промышленной продукции, искусственно создавало значительный разрыв между ними и их действительной себестоимостью. Так, например, при себестоимости добычи 1 пуда донецкого угля в 4—5 коп. он продавался (в конце 90-х годов) на месте добычи по 10—14 коп.⁶⁷

Выражая свою благодарность царскому правительству за его помощь в развитии промышленности, донецкие углепромышленники неоднократно публично обещали постепенно снижать цены на свою продукцию. Шли, однако, годы, а обещания оставались только обещаниями. Более того. Не удовлетворяясь правительственными подачками, крупные шахтовладельцы вступают в тайные соглашения и еще больше взвинчивают цены. В результате этих совместных усилий крупного промышленного капитала и царского правительства цены на каменный уголь на главных русских рынках в конце XIX в. были вдвое большими, чем за границей,⁶⁸ и переплаты казны и частных потребителей только на топливе составляли ежегодно 30—40 млн р.⁶⁹ Все эти переплаты обогащали капиталистов, но тяжелым бременем ложились на плечи трудящихся.⁷⁰ Такова была оборотная сторона царского протекционизма.

⁶⁷ ЦГИАЛ, ф. 268, оп. 2, д. 1246, л. 183.

⁶⁸ Средняя цена на каменный уголь в 1890—1899 гг. была: в Москве — 22.7 коп. за пуд, в Лондоне — 12.8 коп. (см.: Свод товарных цен на русских и иностранных рынках за 1890—1899 годы. СПб., 1900, стр. 22—24).

⁶⁹ Данные эти привел С. Ю. Витте в своем выступлении в особом совещании, посвященном вопросам развития нефтяной промышленности на Кавказе (апрель 1899 г.) (ЦГИАЛ, ф. 40, оп. 2, д. 115, л. 81 об.).

⁷⁰ Печать тех лет заполнена бесконечными жалобами на невыносимо высокий уровень продажных цен на продукцию южной горной и горнозаводской промышленности. «Обложение иностранного угля пошлиной, — писала одесская газета, — поддерживало высокие цены на наш уголь на местном рынке... Высокие цены на уголь представляют налог, уплачивае-

Для стабилизации высоких рыночных цен на уголь монополистические круги Донбасса стремились всячески регламентировать, нормировать производство, вплоть до его ограничения, не останавливаясь даже перед организацией товарного голода. «Если существует дешевая цена на уголь, — заявлял А. К. Алчевский на XVIII горнопромышленном съезде, — то всякий, желая избежать убытков, несмотря на добывную способность его копей, будет стремиться к тому, чтобы возможно меньше выработать угля и возможно меньше продать его».⁷¹ «Нужно нормировать промышленность»,⁷² — вторил ему Н. С. Авдаков, ссылаясь на пример известной сахарной нормировки и организацию нефтяного синдиката (экспортного).

И донецкие углепромышленники неуклонно следовали принципу, который, перефразируя известное изречение И. А. Вышнеградского, можно выразить словами: недовывезем — обогатимся. На съездах горнопромышленников Юга России объем производства и вывоза угля определялся, как правило, с учетом значительной недогрузки и недоиспользования производственных мощностей действующих предприятий. В иные годы, как например в 1890—1892 гг., эта недогрузка по западной части Донбасса доходила до 40—50% добывной способности угольных копей.⁷³ Особенно усердствовали в этом отношении иностранные капиталисты. По официальным данным правительственной комиссии 1900 г. Н. Д. Былим-Колосовского, сокращение угледобычи 4 крупнейшими в бассейне иностранными обществами (Франко-Русским, Русско-Донецким, Рыковским и Прохоровским) только за три года (1897—1899 гг.) составило 25%.⁷⁴

В значительной мере в результате этой политики южных монополистов страна на исходе XIX в. неоднократно испытывала топливный голод, когда, по выражению одного из современников, «уголь, как награда, раздавался только счастливым»,⁷⁵ когда останавливались металлургические заводы и происходили перебои в движении на железных дорогах. Углепромышленникам Донбасса Россия обязана срывом еще в конце 80-х годов строи-

мый металлургическими, винокурными и другими заводами, а затем и потребителями, теряющими на высокой цене продуктов последних. Единственную выгоду из такого положения дела извлекают, конечно, «бедные углепромышленники», постоянно жаловавшиеся на свою судьбу, но все-таки наживавшие крупные барыши» (Одесский вестник, 1892, № 121).

⁷¹ Труды XVIII съезда, ч. 2, стр. 200. — Разрядка моя, — С. П.

⁷² Там же, стр. 118. — Разрядка моя, — С. П.

⁷³ Труды XV съезда, ч. 1, стр. XXIV; Труды XVI съезда, ч. 1, стр. XIV, XXII—XXIII.

⁷⁴ ЦГИАЛ, ф. 268, оп. 2, д. 1246, л. 178 об.

⁷⁵ Труды XV съезда, ч. 1, стр. 298.

тельства транскавказского нефтепровода,⁷⁶ который мог увеличить и удешевить ее топливный баланс.

Все вышеизложенное позволяет сделать общий вывод: в развитии угольной промышленности Донбасса, как и всего южного горнопромышленного района, с конца XIX в. все более и более явственно проявляются характерные особенности и противоречия, присущие империализму. В частности, высокие темпы развития сочетаются с регламентацией и сокращением производства в целях установления монопольных цен и получения высокой монопольной прибыли. Вследствие этого объем промышленного производства ни же действительных размеров производственных мощностей крупнейших предприятий. Угольная промышленность Донбасса, таким образом, еще на заре своего развития обнаруживает тенденцию к застою и загниванию.

Возникновение раннемонопольных объединений в России в конце XIX в. не означало сколько-нибудь значительного смягчения конкурентной борьбы. Соперничество капиталистических хищников лишь меняло свою форму, содержание ее оставалось неизменным. Эта ни на минуту не утихающая внутриконкурентная борьба за изменение тех или иных условий картельных соглашений, передел ранее установленных уровней производства ускоряли распад первых монопольных объединений и соглашений в русской промышленности.

Все раннемонопольные объединения и соглашения в России — в том числе и в Донбассе — имели еще неустойчивый конъюнктурный характер. В условиях промышленного подъема конца XIX в. еще не были исчерпаны все возможности развития «свободного» капитализма. Однако уже сам факт возникновения и развития первых русских монополий⁷⁷ свидетельствует о начале нового этапа в развитии российской экономики, характеризующегося постепенным утверждением капиталистических монополий в хозяйственной жизни страны. Раннемонопольные объединения и соглашения в России подготовили почву для возникновения мощных монополий в начале XX в. История первых русских картелей — это предыстория «Продамета» и «Продугля».

⁷⁶ См.: Труды XII съезда, ч. 1, Харьков, 1887, стр. 29—30.

⁷⁷ В 1880—1890-е годы монопольные объединения, более или менее устойчивые, существовали также в русской металлургической и металлообрабатывающей промышленности, в Бакинском нефтяном районе и Домбровском угольном бассейне, а также в ряде отраслей легкой и местной промышленности.